

Запах старой бумаги и озон

Александр Абросимов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Абросимов

Запах старой бумаги и озон

«Автор»

2026

Абросимов А.

Запах старой бумаги и озон / А. Абросимов — «Автор», 2026

Он реставрирует мертвые книги. Она ловит ускользающий свет. Их идеальный роман начнется с падения в лужу. Арсений хранитель архива, человек-чертеж, для которого влажность воздуха важнее человеческих эмоций. Мира фотохудожница-хаос, улетающая снимать белых медведей. Когда она падает на скользких ступенях Спаса на Крови, спасая свою камеру ценой уникального фолианта XVIII века, их миры сталкиваются со скрежетом металла о гранит. Вместо исков их ждет кофейня дяди Изи, запах корицы и разговор об анатомии света. Но за стерильными стенами государственного хранилища уже готовится ограбление века. Чтобы спасти национальное достояние, Арсению придется нарушить собственный регламент: отключить систему безопасности, запереть двери... и решить, чья жизнь дешевле кожаного переплета.

© Абросимов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Абросимов

Запах старой бумаги и озон

Глава 1. Запах старой бумаги и озон

Дождь в Петербурге никогда не идет просто так. Он либо смывает с города вековую усталость, либо намертво прибывает к асфальту его меланхолию. В этот вторник ливень был тяжелым, свинцовым. Вода лилась сплошной стеной, превращая Невский проспект в размытую акварель.

Арсений ненавидел такие дни. Его идеально начищенные кожаные ботинки мгновенно набухли от влаги, а твидовое пальто потяжелело на пару килограммов. Но сильнее всего промокла книга. Точнее, рукописный сборник стихов пушкинской эпохи в оригинальном сафьяновом переплете, который он прижимал к груди, пытаясь укрыть полый пальто. Клиент капризный коллекционер из Москвы ждал книгу завтра к девяти утра. Арсений должен был передать ее переплетчику Исааку Марковичу еще час назад, но задержался в архиве, сверяя водяные знаки.

Он срезал путь через дворы Капеллы, надеясь выскочить к набережной Мойки и поймать машину там, где чуть меньше хлещет с крыш. У арки, ведущей к Спасу на Крови, под козырьком сувенирной лавки стояла девушка. На ней было тонкое льняное платье, совершенно неуместное для такого потопа, и тяжелые туристические берцы. Она была похожа на взъерошенную птицу: короткие рыжие волосы стояли дыбом, по лицу размазалась тушь, а в руках она судорожно сжимала дорожную профессиональную камеру, пряча ее от дождя всем телом.

Когда Арсений поравнялся с ней, порыв ветра распахнул тяжелую дубовую дверь лавки. Девушка дернулась, инстинктивно шагнула назад, прямо на скользкие мокрые ступени спуска в подвальный этаж. Арсений увидел это за долю секунды до падения.

Она поскользнулась.

Его мир на мгновение разделился надвое. Одна часть мозга кричала о гравитации и хрупкости человеческого затылка. Вторая холодным, расчетливым ужасом констатировала, что при падении он выронит книгу. Сафьяновый переплет XVIII века превратится в губку. Бумага пойдет волнами. Чернила поплывут. Коллекционер спустит с него кожу заживо.

Инстинкт реставратора победил.

Арсений сделал резкий выпад вбок, перехватывая девушку за талию ровно в ту секунду, когда ее каблуки ушли из-под ног. Он рванул ее на себя, принимая вес чужого тела на свое плечо, и одновременно свободной рукой совершил невозможное движение кистью, спасая книгу от удара о гранит.

Они замерли. Мира потому что только что избежала сотрясения мозга и оказалась в кольце сильных, неожиданно твердых рук. Арсений потому что чувствовал, как сквозь мокрый лен платья бьется чужой лихорадочный пульс, а прямо ему в ключицу упирается объектив камеры. И пахло от нее не духами, а озоном, мокрым городом и чем-то сладковато-терпким, похожим на пыльцу диких цветов.

Вы... выдохнула она. Вы мне чуть ребро не сломали.

Я спас вам черепную коробку, хрипло ответил Арсений, стараясь восстановить дыхание. А заодно свою репутацию. Отпустите мою руку, вы сейчас раздавите «Leica».

Мира опомнилась и отступила на шаг. Вода ручьями стекала с ее подбородка. Она посмотрела вниз, на то, что он так отчаянно прятал. Мокрая обложка книги уже темнела, впитывая дождевую воду.

Ваша репутация? она фыркнула, стряхивая воду с ресниц. Да ваша антикварная макулатура теперь годится только на растопку камина. Смотреть надо, куда идете! Из-за вас у меня залило матрицу!

Она демонстративно подняла камеру. По защитному стеклу сбегали капли.

Это ручная бумага восемнадцатого века, ледяным тоном произнес Арсений, чувствуя, как внутри закипает глухое бешенство. Ее стоимость сопоставима с вашей годовой зарплатой. А моя «макулатура» переживет и вас, и вашу пластмассовую игрушку, если мы немедленно не найдем сухое место. Дышать на нее нельзя, не то что лить воду из петербургских луж.

Мира открыла рот, чтобы выдать очередную колкость, но осеклась, взглянув в его лицо. Оно было бледным, с плотно сжатыми челюстями. Парень выглядел так, словно только что вынес из горящего дома младенца и ядерную боеголовку одновременно. Вся его напускная чопорность трещала по швам от чистого, незамутненного ужаса.

Ладно, вдруг резко сменила она тон. Матрица сгорела, день испорчен. Пойдемте. Тут рядом есть кофейня Исаака Марковича. Там хотя бы крыша не течет. И ради бога, дышите носом, вы сейчас отравите своей паникой весь старинный клей.

Не дожидаясь ответа, она схватила его за рукав мокрого пальто и потащила обратно под арку, туда, где тускло светилась старая деревянная вывеска с нарисованной чашкой кофе и золотым обрезом книги.

Арсений позволил увлечь себя. Впервые за десять лет кто-то другой указывал ему дорогу. И впервые за эти же десять лет запах мокрого асфальта показался ему слаще запаха старых страниц.

Кофейня встретила их звоном колокольчика и густым ароматом корицы, свежесмолотой арабики и воска. Здесь действительно не текло с потолка. Деревянные балки были низкими и закопченными, вдоль стен тянулись стеллажи со старыми грампластинками, а вместо привычных барных стульев стояли массивные венские кресла.

Исаак Маркович, сухой старик с абсолютно лысой головой и пушистыми седыми бакенбардами, протирал стойку. Увидев на пороге Арсения с обвисшей книгой и рыжую девушку в мокром льне, он всплеснул руками:

Сеня, чтоб мои глаза видели такое издевательство над букинистикой только в страшном сне! Заходи скорее! Роза, неси фен! Большой, строительный! И коньяк. Два по пятьдесят.

Здравствуй, дядя Изя, буркнул Арсений, бережно кладя книгу на специальную пробковую подставку у кассы. Мы не пить. Нам нужно спасти текст.

Сначала выпить, потом думать, отрезал старик, переводя взгляд на Миру. А ты, огненная девочка, зачем моего племянника топишь? Он от воды плесенью покрывается.

Он сам упал, усмехнулась Мира, без спроса ныряя за стойку и вешая свою куртку на крючок для полотенец. Я вообще мимо проходила. Камеру вот утопила. Если выживет буду должна вашему племяннику одно фото.

Камера железо, махнул рукой Исаак. Железо чинят люди. А бумагу чинит Бог. Или Сеня, что почти одно и то же. Садитесь вон за тот столик, у печки. Сейчас согреетесь.

Их посадили в глубокое кресло у настоящей изразцовой печи, которая тихонько гудела, отдавая сухим жаром. Мира села первой, подобрав под себя босые ноги свои тяжелые берцы она оставила у входа, заявив, что вода в них хлупает неприлично громко. Арсений опустился в кресло напротив, положив руки на колени. Книга осталась на попечении Исаака, который уже скрылся в подсобке вместе с мощным строительным феном.

Тишина повисла неловкая.

Мира достала из кармана платья телефон. Экран предательски мигнул и погас.

Похороню ее завтра на Полюстровском кладбище техники, вздохнула она, бросая бесполезный гаджет на стол. Без музыки. Как думаешь, мой заказчик поверит, что я съела белого медведя, а не просто проспала вылет в Мурманск?

Понятия не имею, кто ваш заказчик, ровным голосом ответил Арсений, глядя строго перед собой, на темное дерево стола. Но белые медведи в июне обычно сыты.

Ценное замечание от человека, чей бизнес-план утек в канализацию вместе с водой из лужи, парировала она. Взгляд ее зеленых глаз был насмешливым, изучающим. Она смотрела на него так, как смотрят на редкий вид насекомого: с научным интересом и легкой долей превосходства. Кстати, спасибо. Ловко вы меня поймали. Для книжного червя у вас отличная реакция.

Это мышечная память, пожал плечами Арсений. Десять лет ловлю падающие фолианты. Привычка.

Десять лет? Мира чуть наклонила голову. Сколько же вам тогда? Вы выглядите так, будто родились сразу в этом твидовом пальто и с неодобрением на лице.

Мне тридцать два. И мое лицо выражает обоснованную тревогу за сохранность культурного наследия, которое вы едва не втоптали в грязь своим каблучком.

Мира тихо рассмеялась. Смех у нее оказался глубоким, грудным, совсем не сочетающимся с ее дерзким видом.

Знаете, Арсений, она внезапно перешла на шепот, подавшись вперед через столик. От нее пахло мокрой травой. Есть одна вещь, которую я поняла, снимая людей по всему миру. Самые интересные истории всегда начинаются с катастрофы. Самолет падает, корабль тонет, или какой-то идиот роняет девушку на ступенях Спаса на Крови. Значит, наш сегодняшний день официально можно считать началом чего-то грандиозного.

Арсений моргнул. Он не привык, чтобы вторжение в его личное пространство происходило так стремительно и бесцеремонно. Между ними оставалось сантиметров сорок пространства, заполненных запахом озона и корицы. Он видел каждую крапинку на ее радужке.

Грандиознее спасения утопающих бывает только гибель Помпеи, сухо заметил он, слегка отстраняясь. Давайте обойдемся без вулканов. Моя работа требует стабильности, а не землетрясений.

Скучный вы человек, разочарованно протянула Мира, откидываясь обратно на спинку кресла. Прямая линия на кардиограмме.

В этот момент из подсобки вернулся Исаак. В одной руке он нес раскрытую книгу, страницы которой теперь казались лишь слегка влажными, а не безнадежно погибшими. В другой две пузатые рюмки и бутылку армянского коньяка.

Вот, торжественно объявил старик, ставя находку на стол между ними. Фен на минимальной температуре, расстояние двадцать сантиметров. Переплет сохнет отдельно. Текст жив, картинка цела. Жить будет. Пейте.

Арсений автоматически взял рюмку. Коньяк обжег горло, прокатившись горячей волной до желудка. Мира сделала глоток, поморщилась и тут же потянулась к книге.

Можно? спросила она.

Арсений напрягся, готовый вскочить и закрыть фолиант собственным телом.

Только смотреть. Не дышать. И пальцы держать на расстоянии пяти сантиметров от полей.

Мира послушно сложила руки на коленях, разглядывая желтоватую страницу.

Красиво, прошептала она. Старо. Кажется, что если прислушаться, здесь все еще звучит голос того, кто писал это пером при свече. О чем хоть стихи?

Арсений почувствовал, как алкоголь снимает первый слой напряжения. Он осторожно придвинул книгу ближе к середине стола, создавая нейтральную территорию.

Элегии. Сумароков. Плачут о неразделенной любви, бренности бытия и плохой погоде. Весьма актуально для сегодняшнего вторника.

Неразделенная любовь двигатель прогресса, кивнула Мира, не отрывая взгляда от строк. Особенно если любить правильно, долго и обязательно страдать. Вы поэтому работаете со старыми книгами? Они умеют хранить секреты и никогда не уходят к другим?

Ее вопрос попал точно в цель. Арсений отвел глаза к печи.

Я работаю с ними, потому что они честны. Бумага не притворяется. Если она гниет она гниет. Если сохнет сохнет. Никаких двойных смыслов.

Какой кошмар, искренне сказала Мира. Жить в мире, где нет двойных смыслов. Должно быть, вам очень одиноко, Арсений.

Прежде чем он успел придумать достойный ответ-цитату из Державина, снова звякнул колокольчик. На пороге стоял курьер в ярко-желтом дождевике.

Доставка для Демидовой Мирославы, крикнул парень сквозь шум непогоды снаружи.

Мира встрепенулась.

Это за мной! она вскочила, подбежала к стойке и вернулась с большим черным кофром. Мой билет на войну. Новая камера. Заказчик простил съеденного медведя и выслал подкрепление.

Она щелкнула замками кофра, любовно поглаживая матовый корпус новенького аппарата. Затем обернулась к Арсению. Глаза ее блестели ярче, чем после коньяка.

Ну что, защитник бумажных ценностей? Спасибо за спасение моей головы и вашего сокровища. Раз наши пути пересеклись столь драматично, может, продолжим знакомство? Выпьем кофе? Нормального, горячего. Покажешь мне город через призму своих сухих фактов? Обещаю больше не падать под колеса.

Арсений смотрел на нее, затем на открытую книгу Сумарокова, лежащую между ними, затем на струи дождя, бегущие по витрине. Логика кричала, что это безумие. Что эта рыжая катастрофа разрушит его выстроенный десятилетиями порядок одним щелчком затвора своей новой камеры. Что от нее пахнет переменами, а перемены для реставратора равносильны пожару.

У меня через час встреча с клиентом, соврал он, даже не покраснев. Нужно готовить акт приема-передачи.

Мира понимающе улыбнулась, застегивая кофр.

Конечно. Порядок превыше всего. Стихи подождут, клиенты тоже. Хорошего дня, Арсений. Берегите свой клей.

Она надела свои мокрые берцы, махнула рукой дяде Изе и вышла под ливень, даже не раскрыв зонта. Звякнул колокольчик.

Арсений остался сидеть в теплом кресле. Воздух вокруг него все еще пах озоном и дикими цветами. Он медленно протянул руку и коснулся края открытой страницы. Бумага была теплой и абсолютно сухой. Идеальной. Но впервые за десять лет идеальный порядок вызывал у него не удовлетворение, а глухую, сосущую пустоту.

Глава 2. Анатомия пустоты

После того как за Мирой закрылась дверь, в кофейне стало оглушительно тихо. Исаак Маркович протирал и без того чистый бокал, глядя на племянника поверх очков.

Сеня, наконец произнес он скрипучим голосом. Если ты сейчас выйдешь под этот ливень, я тебя сам утоплю в Мойке. С мокрым твидом не разговаривают. Снимай пальто.

Арсений моргнул, стряхивая оцепенение. Он посмотрел на свои руки пальцы едва заметно дрожали. Не от холода. От переизбытка кислорода или, что вероятнее, от коньяка, ударившего в голову на голодный желудок.

Я никуда не пойду, дядя Изя, ровно сказал он, расстегивая пуговицы. Пальто упало на кресло тяжелым мокрым мешком. Мне нужно быть у клиента к шести вечера. До этого времени рукопись должна стабилизироваться.

Рукопись проживет без тебя еще два часа, Исаак поставил перед ним чашку с густым, черным кофе. А вот твоя физиономия мне не нравится. Ты выглядишь так, будто тебе показали призрака. Или женщину. Что для книжного червя страшнее?

Арсений обхватил горячую керамику ладонями. Тепло медленно проникало под кожу.

Она невозможна, глухо ответил он. Абсолютно хаотичная система. Говорит рывками, двигается быстрее мысли, обувь выбирает по принципу отрицания гравитации. И она назвала меня скучным.

Девочка права, хмыкнул старик, подвигая к нему тарелку с еще теплыми слойками. Ешь. Когда человек отказывается от рыжего бедствия ради акта приема-передачи, это вершина скуки.

Арсений взял слойку, но есть не стал. Он смотрел в окно. Дождь начал стихать, превращаясь в мелкую изморось. По лужам бежала бензинная радуга. Город снова становился серым, графичным, правильным. Таким, каким Арсений привык его видеть через стекло своей мансарды. Но сейчас эта правильность казалась фальшивой. Ему остро не хватало запаха озона и ощущения чужого пульса в сантиметре от собственной ключицы.

Он ненавидел себя за эту мысль. Десять лет назад он выстроил вокруг себя стену из картона, клея и строгих регламентов именно для того, чтобы больше никогда не чувствовать ничего подобного. Чувства имели свойство расплываться, как дешевые чернила на плохой бумаге. Они оставляли пятна, которые невозможно вывести сухой чисткой.

Кто она? спросил Исаак, хотя ответ ему был не нужен. Кроме того, что ходячий шторм?

Фотограф-документалист. Летит снимать белых медведей. У нее камера стоит дороже моей годовой аренды архива.

Хорошие медвежата получаются только из людей, которые умеют мерзнуть, философски заметил старик. Эта девочка умеет. В ней льда нет совсем. Один огонь. Смотри, Сеня, сгоришь.

Я огнеупорный, усмехнулся Арсений, отставляя пустой кофе. Сахар он так и не положил. Спасибо за фен. Текст спасен. Картон покорило незначительно, после пресса выровняется. Клиент даже не заметит инцидента.

Заметит, возразил Исаак. Потому что теперь книга пахнет корицей и чужими духами. Антиквариат впитывает истории, мальчик мой. Ты же сам мне это говорил сто раз. Теперь у твоего Сумарокова появилась новая глава.

Арсений оставил деньги на столе, чуть более щедро, чем обычно, и вышел обратно во двор Капеллы. Ливень кончился, но брусчатка блестела, а воздух был плотным и влажным. Он поднял воротник рубашки глупый жест, ведь ткань уже высохла.

До встречи с клиентом оставалось три часа. Обычно это время он тратил на сверку библиографии или реставрацию форзаца какой-нибудь церковной летописи XVII века. Сегодня работа казалась пыткой.

Мира шла по набережной канала Грибоедова, игнорируя призывы таксистов. Вода отступала, обнажая темные спины камней. Новая камера лежала в кофре на плече, тяжелая и успокаивающая. Техника была ее броней. Через объектив мир всегда подчинялся правилам композиции: правило третей, золотое сечение, игра света и тени. Мира знала, как сделать красивым войну, нищету и смерть.

Но почему-то последние сорок минут она думала не о полярных сияниях Мурманска. Перед глазами стояло лицо мужчины из кофейни. Резкие скулы, бледная кожа, которая кажется почти прозрачной в полумраке, и глаза цвета выдержанного чая такие же теплые, но абсолютно непроницаемые.

«Скучный вы человек», сказала она ему тогда.

Это была ложь, и они оба это знали. За его чопорностью пряталось такое напряжение, что воздух между ними искрил. Он держал ее так, словно она была сделана из горного хрусталя, готовый в любой момент пожертвовать собой, но спасти книгу. Это было... первобытно. Элементарно. Мужчина, защищающий ресурс.

Мира достала телефон из кармана куртки. Экран мертв. Она зашла в первую попавшуюся антикварную лавку на Литейном тесное помещение, заваленное бронзовыми статуэтками и пожелтевшими фотографиями.

Простите, у вас есть розетка? спросила она у сонной продавщицы. Телефон утонул, нужно поймать такси до дома.

Пока гаджет жадно глотал электричество, Мира разглядывала витрину. Ее взгляд зацепился за старую фотографию: вид на Неву конца XIX века. Мостовые покрыты соломой, по льду бредут лошади. На обороте аккуратным почерком выведено: «Февраль 1894 года. Помяни, Господи».

Ей вдруг отчаянно захотелось показать эту карточку Арсению. Интересно, смог бы он по составу бумаги определить плотность тряпичного волокна? Смог бы прочитать судьбу человека, писавшего эти строки, по наклону букв? Для нее фотография была застывшим криком эмоции. Для него химическим процессом и физическим объектом. Две стороны одной медали.

Телефон ожил. Двадцать процентов заряда. Мира вызвала машину и открыла мессенджер. В рабочих чатах царила паника: продакшн требовал подтверждения билетов, визажист слал фото кистей, редактор просил уточнить список провианта для Заполярья (пункт «шампанское» вызвал бурю негодования).

Она быстро набила сообщение координатору: «Камера погибла смертью храбрых. Новая куплена. Лечу. Билет перебронируйте на утро пятницы».

Пятница давала ей два дня. Сорок восемь часов. Целая вечность для города, который тонул в облаках.

Офис Виктора Эдуардовича располагался в бизнес-центре на Васильевском острове. Стекло, хромированный металл и искусственная прохлада кондиционера. Виктор Эдуардович коллекционировал книги так же, как другие коллекционируют швейцарские часы для статуса. Он не читал их. Он ими владел.

Лист волной пошел, Аркадий, вместо приветствия бросил клиент, когда Арсений вошел в переговорную. Книга покоилась в специальном бескислотном кейсе на столе. Вы уверяли меня, что экземпляр идеален.

Арсений молча открыл кейс. Его движения были выверенными, экономными.

Попадание влаги составило ноль целых две десятых секунды, Виктор Эдуардович. Прямой контакт исключен благодаря защитному коробу. Деформация целлюлозы минимальна. После сорока восьми часов под вакуумным прессом при температуре восемнадцать градусов остаточная кривизна составит менее одного миллиметра. Краска не плывет. Водяных знаков второго порядка нет. Экспертизу проводить будем?

Виктор Эдуардович побарабанил пальцами по столу. Он любил драмы, но Арсений лишил его этой возможности, говоря языком сухих цифр.

Ненавижу ваш цинизм, вздохнул коллекционер, подписывая акт. Вы обращаетесь с бесценным артефактом, как с бухгалтерской ведомостью. Ни трепета, ни благоговения. Просто цифры.

Благоговение осыпает пудру с пергамента, парировал Арсений, убирая подписанный документ в портфель. Моя задача сохранить физику объекта. Трепетом занимаетесь вы, когда показываете его гостям. Сто двадцать тысяч евро переведены?

Только что, кивнул мужчина. Знаете, Аркадий, вам нужна женщина. Та, которая заставит вас уронить хоть одну книгу. Ради интереса. Чтобы посмотреть, броситесь вы спасти бумагу или девушку.

Арсений закрыл кейс. Замок щелкнул сухо и окончательно.

Женщины непредсказуемы, Виктор Эдуардович. Книги предсказуемы. В моей профессии это решающий фактор. Всего доброго.

Вызывая лифт, он думал не о деньгах, поступивших на счет, и не о словах коллекционера. Он думал о том, что впервые выполнил свою работу безупречно, но не почувствовал привычного удовлетворения. Идеальный порядок сегодня отдавал запахом стерильной операционной.

К себе в мансарду на Петроградской стороне он поднялся пешком, проигнорировав лифт. Узкая винтовая лестница пахла старым деревом и пылью. Здесь все было на своих местах. Стеллажи до потолка, латунная лампа с зеленым абажуром, массивный дубовый стол, специальный столярный клей, разложенный по стеклянным баночкам строго по году основания мануфактуры.

Арсений включил свет. Достал из портфеля спасенную книгу. Положил ее на рабочий стол. Включил синюю лампу детектора подлинности. Под ее холодным светом страницы засветились ровным фиолетовым огнем никаких поздних вставок, подделок или химического травления. Чистый XVIII век.

Он сел в рабочее кресло. Протянул руку к пинцету, чтобы начать процесс сушки под прессом, но замер. Взгляд упал на подоконник.

Там, среди банок с дистиллированной водой и скальпелей, стояла старая стеклянная колба. Несколько месяцев назад он подобрал на улице ветку шиповника, высушил ее по всем правилам гербарного дела и поставил туда просто потому, что сухие цветы не требуют полива и не меняют форму. Символ стабильности.

Сейчас сухие, мертвые ветки выглядели жалко.

Арсений откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он попытался вспомнить запах духов Миры. Не получилось. Вместо этого память подсовывала запах озона, мокрой липы и сладкий аромат корицы из чужой кофейни.

Его идеальный, предсказуемый мир дал трещину размером в один человеческий пульс. И самое ужасное заключалось в том, что где-то глубоко внутри, под слоями профессиональной деформации и страха перед хаосом, ему хотелось, чтобы эта трещина пошла дальше.

Рука сама потянулась к ежедневнику в кожаном переплете. Он никогда не записывал туда личные вещи, только рабочие графики. Но сегодня рука вывела на чистой странице одно имя, фамилию и номер телефона, который он успел заметить на экране ее камеры там, у Спаса на Крови, прежде чем тот погас навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.